

8. Selected indicators of the migration situation in the Russian Federation for the period from January to December of 2018 year with distribution by countries and regions. *Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. Official site. (In Russ.). URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/15851053/>

9. Grishin A. V. *Public prosecutor's supervision over the execution of legislation about the minors*. Moscow, 2018. 144 p. (In Russ.).

10. Basic statistics on the activity of the public prosecutor's office. *General Prosecutor Office of the Russian Federation*. Official site. (In Russ.). URL: <http://genproc.gov.ru/stat/data/>

11. Federal Law of 17.01.1992 No. 2202-1 "On the Public Prosecutor's Office of the Russian Federation" (with amendments). *Collection of the RF legislation*, 1995, no. 47, art. 4472. (In Russ.).

12. Bessarabov V. G., Voskobitova L. A., Dvorkina T. S. *Law enforcement agencies*. 2nd ed. Moscow, Prospect Publ., 2010. 496 p. (In Russ.).

13. Vinokurov Yu. E. *Public prosecutor's supervision: manual for bachelors*. 10th ed. Moscow, Yurait Publ., 2012. 476 p. (In Russ.).

14. Sukharev A. Ya. (ed.). *Public prosecutor's supervision manual*. 3rd ed.. Moscow, Norma Publ., 2009. 464 p. (In Russ.).

15. Korshunova O. N., Golovko I. I. The object of the public prosecutor's activity — a new category or a necessity. *Tomsk State University Journal*, 2017, no. 423, pp. 207–218. (In Russ.). DOI: 10.17223/15617793/423/29.

16. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (with amendments). *Collection of the RF legislation*, 2014, no. 31, art. 4398. (In Russ.).

17. Federal Law of 18.07.2006 No 109-FZ "On the migration registration of the foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation" (with amendments). *Collection of the RF legislation*, 2006, no. 30, art. 3285. (In Russ.).

18. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of 08.03.2015 No 21-FZ (with amendments). *Collection of the RF legislation*, 2015, no 10, art. 1391. (In Russ.).

19. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 05.03.2014 No 628-0 "On the refusal to acceptance to the consideration citizen of The People's Republic of China Chgen Khua's complaint concerning violation of his constitutional rights by part 1.1 of article 18.8 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation". *The Constitutional Court of the Russian Federation*. Official site. (In Russ.). URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision158220.pdf>

20. The rules of detention (residence) in special facilities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation or it's territorial agency of foreign citizens and stateless persons subject to administrative expulsion from the Russian Federation, deportation or readmission: confirmed by the order of the Government of the Russian Federation of 30 dec. 2013 No 1306 (taking into account the amendments). *Collection of the RF legislation*, 2014, no. 2, part 1, art. 130. (In Russ.).

Как цитировать статью: Петрова А. И. К вопросу об основных направлениях и предмете деятельности прокуратуры по обеспечению прав несовершеннолетних в миграционной сфере // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 3 (48). С. 265–269. DOI: 10.25683/VOLBI.2019.48.315.

For citation: Petrova A. I. To the issue of the main activity directions and the object of the public prosecutor's office activities for enforcement of minor's rights in the migration field. *Business. Education. Law*, 2019, no. 3, pp. 265–269. DOI: 10.25683/VOLBI.2019.48.315.

УДК 343
ББК 67.408

DOI: 10.25683/VOLBI.2019.48.310

Shumkova Ksenia Nikolaevna,
Applicant for a Degree of the Candidate of Law,
Department of Criminal Law and Criminology,
Far Eastern Federal University,
e-mail: Shumkova-k@mail.ru

Шумкова Ксения Николаевна,
соискатель ученой степени кандидата юридических наук,
кафедра уголовного права и криминологии,
Дальневосточный федеральный университет,
e-mail: Shumkova-k@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ, СУЩНОСТЬ И ЦЕЛИ НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РЯДА АЗИАТСКИХ СТРАН (НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ, ЯПОНИИ, КОРЕИ)

CONTENT, ESSENCE AND PURPOSE OF PUNISHMENT IN CRIMINAL LAW OF SEVERAL ASIAN COUNTRIES (ON THE EXAMPLE OF CHINA, JAPAN, KOREA)

12.00.08 – Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право
12.00.08 – Criminal law and criminology. Penal law

Данная работа посвящена сравнительному анализу действующих уголовно-правовых норм ряда азиатских стран: Китая, Японии и Северной Кореи.

В представленной статье автор рассматривает подходы к целям, содержанию и сущности наказания в вышеупомянутых странах. Именно эти параметры, по мнению

автора, составляют основу уголовно-правовой политики каждой из рассматриваемых стран и в настоящее время являются одними из значимых индикаторов уровня развития общества. Автором детально проанализировано уголовное законодательство исследуемых стран в части закрепления в нем понятий наказания, целей и системы

наказания, а также изучены некоторые исследования международных правозащитных организаций с целью выяснения соблюдения прав человека и основополагающих принципов, на которых основывается действующее зарубежное уголовное законодательство.

В конечном счете, отмечая некоторую близость уголовного законодательства указанных государств в части установления системы наказаний, автор приходит к выводу о зависимости концепции уголовно-правовой политики от вхождения конкретного государства в ту или иную правовую семью.

Кроме того, делается вывод о достаточно жестких методах по борьбе с преступностью в уголовно-правовой политике Китая, которая предполагает скорее возмездие за совершенные преступления. В Японии существует сходство с западными концепциями, поскольку главными задачами наказания все же являются реабилитация и исправление. Северокорейское же уголовное законодательство, внешне на первый взгляд схожее с исследуемыми восточными странами, характеризуется особой жесткостью наказаний.

Констатируется сложность установления реальной картины на практике в связи с невозможностью получения реальных статистических данных.

This paper is devoted to a comparative analysis of the existing criminal law norms of a number of Asian countries: China, Japan and North Korea.

In the present article, the author examines the approaches to the goals, content and nature of punishment in the above-mentioned countries. These parameters, according to the author, form the basis of the criminal law policy of each of the countries under consideration and are currently one of the most significant indicators of the level of development of society. The author has analyzed in detail the criminal legislation of the studied countries in terms of enshrining in it the concepts of punishment, goals and the system of punishment. And also studied some studies of international human rights organizations in order to clarify the issue of respect for human rights and the fundamental principles on which the current foreign criminal legislation is based.

Ultimately, noting some proximity of the criminal legislation of these states in terms of establishing a system of punishments, the author comes to the conclusion that the concept of criminal law policy depends on the entry of a particular state into a particular legal family.

In addition, it is concluded that methods of combating crime are rather harsh in China's criminal law policy, which presupposes more retribution for the crimes committed. In Japan, there are similarities with Western concepts, since the main tasks of punishment are still rehabilitation and correction. The North Korean criminal legislation, outwardly at first glance similar to the eastern countries studied, is characterized by a special harsh punishment.

The difficulty of establishing the real picture in practice, due to the lack of statistical data, is stated.

Ключевые слова: уголовное право, уголовное законодательство, наказание, цели наказания, система наказаний, Китай, Япония, Северная Корея, правовая семья, сравнительное правоведение.

Key words: criminal law, criminal legislation, punishment, the purpose of punishment, the system of punishments, China, Japan, North Korea, legal family, comparative jurisprudence.

Введение

Актуальность. Наказание в уголовном праве конкретного государства является достаточно значимым показателем уровня развития общества, позволяя сделать вывод о множестве политических, социальных, экономических, культурных и некоторых других факторов, тем самым составляя целостное представление о данном государстве. Особым значением в данном случае обладают содержание, сущность и цели наказания в уголовном праве, поскольку указанные параметры составляют основу уголовно-правовой политики конкретного государства, включая и азиатские государства, в том числе Китай, Японию и Корею, в силу особенностей исторического развития отличающихся достаточно интересными правовыми системами на стыке нескольких правовых семей.

Влияние зарубежного опыта на законодательство, в том числе уголовное, остается значительным. Вполне очевидно, что многоуровневая система мер, составляющих предупреждение преступности, во многом зависит от существующего в конкретном государстве политического строя, государственного режима, главенствующей идеологии [1, с. 61].

Несмотря на то, что российская правовая система по принципам своего построения относится к романо-германской правовой семье, наказание как явление социальное требует от законодателя принятия во внимание не только особенностей построения системы права, но и обращения к опыту государств иных правовых семей, добившихся положительных показателей состояния преступности.

Исследование вышеупомянутых правовых систем в части специфики уголовного наказания представляется чрезвычайно актуальным, поскольку позволяет сделать выводы об эффективности уголовной политики, целесообразности борьбы с преступностью конкретными методами и т. д., что важно для российского государства в условиях сохранения достаточно высокого уровня преступности.

Изученность проблемы. Институт наказания, его сущность, содержание и цели, а также понятие и критерии его эффективности стали объектом исследований достаточно давно. Проблемы определения эффективности наказания тем или иным образом рассматривались в работах Ю. М. Антояна, Л. В. Багрий-Шахматова, Н. А. Беляева, Т. Н. Волковой, В. А. Жабского, И. Э. Звечаровского, В. С. Карпова, А. В. Наумова, И. С. Ноя, И. А. Подройкиной, В. Ю. Стримова, Ф. Р. Сундунова, М. Д. Шаргородского и др.

Авторы сравнительно-правовых исследований в области наказания — О. А. Белявская, А. И. Коробеев, А. А. Малиновский, Т. Р. Сабитов, А. И. Чучаев и др.

Целесообразность разработки темы. Признавая безусловную ценность выполненных ранее работ по рассматриваемой проблеме, следует отметить, что целый ряд вопросов остается дискуссионным и требует дальнейшей разработки. Учитывая развитие российско-китайских международных отношений как в политической, так и в социально-экономической сферах жизнедеятельности, территориальные особенности взаиморасположения России и КНР, а также соседство других восточных государств, социалистическое прошлое, положительный опыт КНР в сфере воздействия на преступность, полагаем необходимым рассмотреть институт наказания и иных мер воздействия, предупреждения преступности в странах Азии.

Научная новизна определяется тем, что данная работа представляет собой сравнительно-правовое исследование института наказания как одного из наиболее

эффективных средств предупреждения преступности в нескольких зарубежных странах. Выводы, сформулированные в работе, могут использоваться в том числе и в российском законодательстве.

Цель данного исследования состоит в проведении сравнительного анализа основных аспектов института наказания в законодательстве Китая, Японии и Северной Кореи для выяснения особенностей уголовной политики в государствах, принадлежащих к разным правовым семьям.

Достижение указанной цели предопределило постановку и решение следующих **задач**:

- изучена научная литература по исследуемой проблеме;

- изучено уголовное законодательство исследуемых стран;

- сформулирован ряд выводов о схожести и различиях методов уголовно-правовой политики Китая, Японии и Северной Кореи; о взаимозависимости основных параметров наказания от нахождения государства в рамках конкретной правовой семьи.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в содержащихся в работе анализе, научных выводах и положениях, которые расширяют имеющиеся знания о наказании в зарубежных странах и могут быть использованы для дальнейшего изучения данного института как самостоятельно, так и в ходе сравнительного анализа.

Основная часть

Изучение имеющейся по исследуемой проблеме литературы, а также уголовных кодексов рассматриваемых государств свидетельствует об отсутствии в законодательстве зарубежных стран определения понятия наказания, а также его сущности, целей и содержания данного института. Нельзя не согласиться с тем, что вопрос об определении основных аспектов наказания имеет не только теоретическое значение, но и непосредственное практическое значение. Ведь для эффективного предупреждения преступлений как лицами, уже их совершившими, так и потенциальными преступниками необходимо четко сформулировать понятие и систему мер предупреждения преступности. Безусловно, нельзя считать наказание панацеей от преступлений и лиц, их совершающих. Однако оно необходимо для перевоспитания индивидов, которые встали на преступный путь, но сами желают исправиться и адаптироваться в социуме.

По результатам исследования был сделан вывод о том, что уголовное наказание в Китае и других азиатских странах имеет как значительное сходство, так и существенные различия с уголовным наказанием в России. Между тем, несмотря на внешнюю суровость наказания, например, в Китае, китайский уголовный закон в условиях быстрого экономического развития движется к гуманизации уголовного наказания, не изменяя древнекитайским традициям, социалистическим постулатам и конфуцианским принципам [2, с. 24].

Как видно, из наиболее быстро развивающихся стран, несмотря на формальную принадлежность к иной правовой семье, именно уголовный закон КНР имеет множество сходств с уголовным законом России. Тезисно рассмотрев основные положения об уголовном наказании в Китае, Японии и Северной Корее, в последующих исследованиях в целях выработки путей повышения эффективности уголовного наказания в России мы обратимся к китайскому опыту правовой регламентации в этой сфере.

Методологией исследования является использование общенаучных и частнонаучных методов познания. Прежде всего это системный подход, позволяющий увидеть, каким образом находят свое выражение нормы о наказании во взаимодействии друг с другом и иными уголовно-правовыми институтами. Предмет исследования предопределил главенство сравнительного анализа. Невозможно провести исследование без использования логических методов, к которым относятся: анализ, индукция, дедукция, абстрагирование, моделирование, статистический и иные. Использован логико-языковой метод, позволяющий установить содержание уголовно-правовых терминов. Также использованы следующие частнонаучные методы познания реальной действительности: формально-юридический, юридической герменевтики, сравнительно-правовой.

Результаты

Характеризуя наказание в китайском уголовном праве, прежде всего следует акцентировать внимание на том, что, как отмечают А. И. Коробеев и А. И. Чучаев, действующее китайское уголовное законодательство не содержит ни понятия наказания, ни характеристики целей наказания, начинаясь сразу с системы наказаний [3, с. 157]. В то же время, например, Т. Р. Сабитов, анализируя действующее китайское уголовное законодательство, обращается к ст. 2 Уголовного кодекса КНР, устанавливающей основные задачи китайской уголовно-правовой политики, в числе которых, в частности, называется борьба с преступностью с целью защиты прав личности посредством применения наказания [4, с. 77]. Действительно, данная норма позволяет сделать вывод о том, что целью наказания в действующем китайском уголовном законодательстве является искоренение преступности. Более того, на наш взгляд, для установления целей наказания в действующем китайском законодательстве следует обратить внимание и на ст. 1 Уголовного кодекса КНР, раскрывающую причины принятия рассматриваемого нормативного правового акта. В частности, ст. 1 Уголовного кодекса КНР в числе таких причин называет охрану народа, нанесение возмездия преступности, а также объединение государства против преступности [5]. Соответственно, можно заключить, что целями наказания в китайской концепции уголовно-правовой политики являются прежде всего возмездие и борьба с преступностью, а не исправление преступников, как в концепциях уголовно-правовой политики западных государств.

Такие цели наказания, как возмездие и борьба с преступностью, в полной мере отражаются в содержании и сущности наказаний, предусмотренных действующим китайским уголовным законодательством. Из статьи 33 Уголовного кодекса КНР следует, что к основным наказаниям относится надзор, арест, срочное лишение свободы, пожизненное лишение свободы, а также смертная казнь, а к дополнительным — штраф, лишение политических прав, а также конфискация имущества [5]. При этом, как отмечает А. А. Малиновский, дополнительные наказания нередко применяются самостоятельно, а к иностранцам, помимо указанных видов наказаний, применяется также высылка из страны [6, с. 459].

Достаточно показательной является статистика применяемых наказаний. В частности, смертная казнь предусматривается китайским законодателем за совершение 68 преступных деяний из числа деяний, влекущих

за собой наступление уголовной ответственности. Китай наряду с США остается одним из государств, в которых применяется смертная казнь. Однако необходимо отметить, что в данном направлении политика идет по пути гуманизации и снижения составов преступления, за которые применяются высшая мера наказания. После поправок в 2011 г. количество составов сократилось до 55, в 2015 г. также произошло сокращение составов преступлений, за которые назначается смертная казнь. В настоящее время это 46 составов преступлений [7, с. 81]. Срочное и бессрочное или, иными словами, пожизненное лишение свободы предусматривается за совершение 580 и 90 преступных деяний соответственно. Арест, в свою очередь — за совершение 310 преступных деяний. Особо следует сказать и о таком наказании, как лишение политических прав, нередко включающее в себя лишение права избирать, лишение права быть избранным, лишение права занимать должности в государственных органах, лишение свободы слова, печати и собраний и т. д. в зависимости от характера совершенного преступного деяния [6, с. 461]. Вполне очевидно, что содержание и сущность наказания в действующем китайском уголовном законодательстве напрямую обусловлены заявленными в указанном законодательстве целями наказания, в связи с чем в системе наказаний преобладают наказания, предполагающие изоляцию от общества, а также другие существенные ограничения прав и свобод преступников.

Тем не менее, на наш взгляд, необходимо иметь в виду, что действующее китайское уголовное законодательство, признающее такие принципы, как вина, гуманизм, равенство и т. д., на практике далеко не всегда реализуется в соответствии с указанными принципами. Какой-либо достоверной статистики применения наказаний не существует в силу «закрытости» китайского государства, обусловленной желанием китайских властей создать позитивный образ для внешнего мира, постулируя соблюдение прав человека и т. д. А статистика, приводимая в открытых источниках, является, скорее всего, недостоверной, значительно заниженной, как, например, у И. Г. Калабекова [8, с. 118]. Исследователями также отмечается, что начавшиеся во второй половине 1970-х гг. широкомасштабные экономические преобразования, сопряженные с началом политики открытости, способствовали резкому росту преступности в самых разных сферах жизни общества [9, с. 48]. Более того, в настоящее время количество совершаемых в Китае преступлений продолжает расти [10, с. 129].

Существующие проблемы соблюдения прав человека в Китае на протяжении достаточно продолжительного времени отмечаются международными правозащитными организациями, к числу которых, в частности, относится организация «Amnesty International», базирующаяся в Великобритании и преследующая цель предпринимать исследования, а также действия, направленные на предупреждение и прекращение нарушений прав человека. Характеризуя обстановку с правами человека в Китае, данная организация отмечает следующее:

1) в Китае продолжается подготовка и принятие всеобъемлющих законов и подзаконных актов, направленных на обеспечение национальной безопасности и расширяющих полномочия властей в том, что касается подавления инакомыслия, ограничения доступа к информации и цензуры, притеснения и судебного преследования правозащитников;

2) несовершенство судебной системы Китая повсеместно приводит к несправедливым судебным разбирательствам, а также применению пыток и жестокого обращения;

3) в Китае имеет место активное преследование правозащитников, в связи с чем по состоянию на конец 2016 г. «...под стражей в ожидании суда находились пять человек, обвиняемых в „подрыве государственной власти“ и „подстрекательстве к подрыву государственной власти“; еще четверым инкриминировалось то, что они „искали повод для ссоры и создавали конфликтную ситуацию“ или „организовывали незаконное пересечение государственной границы другим лицом“» [11];

4) в Китае ограничивается свобода выражения мнений, что проявляется в задержании лиц, высказывающих критику в отношении китайского руководства, усилении контроля за издательской деятельностью, распространением кино- и телепродукции, иностранного спутникового телевидения, концертов, импортом и экспортом культурной продукции, а также усилении интернет-цензуры;

5) в Китае ограничивается свобода вероисповедания и убеждений, что проявляется в расширении полномочия различных органов власти по отслеживанию, контролю и санкционированию ряда религиозных практик, сносе христианских церквей, уничтожении христианской символики, а также «...не прекращались преследования, произвольные задержания, пытки, жестокое обращение и несправедливые суды в отношении последователей „Фалуьгун“» [11];

6) отсутствие в Китае официальной статистики применения такого вида уголовного наказания, как смертная казнь, не позволяет выяснить количество вынесенных и приведенных в исполнение смертных приговоров;

7) в Китае нарушаются жилищные права, что проявляется в массовых принудительных выселениях, связанных с распоряжениями властей о сокращении населения тех или иных провинций;

8) в Китае нарушаются права этнических тибетцев, уйгуров и иных меньшинств, что проявляется в многочисленных задержаниях и т. д. [11].

Несколько иначе цели, содержание и сущность наказания регламентируются действующим японским уголовным законодательством. Прежде всего, как отмечает О. А. Белявская, японская концепция уголовно-правовой политики отличается направленностью на профилактику преступности и специальным предупреждением, в связи с чем карательная политика является достаточно либеральной, а вмешательство со стороны уголовной юстиции ограничивается до минимума. Помимо этого, как отмечает О. А. Белявская, доминирующей концепцией целей наказания является концепция реабилитации правонарушителей на основе максимально индивидуализированного обращения с ними, в связи с чем общепредупредительный эффект наказания обеспечивается не столько суровостью наказаний, как в китайском уголовном праве, сколько их неотвратимостью. Иными словами, в японском уголовном праве, в отличие от китайского, на первое место выходит не устрашение потенциальных преступников, а воспитательное воздействие эффективного и гуманного функционирования уголовной юстиции [12, с. 13]. Исходя из этого, основными наказаниями, предусмотренными действующим японским законодательством, являются смертная казнь, лишение свободы с выполнением обязательных работ, лишение свободы без выполнения обязательных работ и штраф [13]. Помимо этого, к числу

наказаний относятся также арест, малый штраф, конфискация [13]. Анализируя систему наказаний, существующих в японском уголовном праве, и рассматривая их сущность, Т. Р. Сабитов обращает особое внимание на то, что действующее японское законодательство не содержит наказаний, позорящих лицо или ущемляющих его честь, чего нельзя сказать, например, о действующем китайском уголовном законодательстве. Даже несмотря на то, что такое наказание, как лишение свободы с принудительным трудом, заключается в лишении преступника свободы посредством изоляции его от общества, сопровождающимся выполнением принудительного труда, принудительный труд отличается направленностью на исправление и реабилитацию преступника, а не на унижение его достоинства, страдания и т. д. [4, с. 79].

Еще большей спецификой в части целей, содержания и сущности наказания отличается действующее северокорейское уголовное законодательство. Как отмечает Т. Р. Сабитов, наиболее значимой его особенностью является отсутствие в корейском уголовном праве таких общепризнанных принципов, как вина, равенство, законность, справедливость, гуманизм и т. д. [4, с. 80]. Исходя из ст. 1 Уголовного кодекса КНДР, основными задачами уголовного законодательства считаются защита суверенитета государства, а также социалистической системы посредством утверждения системы наказаний [14]. На наш взгляд, очевидно, что данная цель в некоторой степени перекликается с целями действующего уголовного законодательства, что обусловлено социалистическим строем, имеющим место в обоих государствах. Исходя из цели наказания, которой, безусловно, является борьба с преступностью посредством возмездия и устрашения, строится и система наказаний, в соответствии со ст. 27 Уголовного кодекса КНДР включающая в себя смертную казнь, срочные и пожизненные исправительные работы, обязательные работы, лишение права голосовать, конфискацию имущества, а также лишение права занимать какие-либо должности [14]. Примечательно при этом то, что, как отмечает Т. Р. Сабитов, лишение свободы в привычном понимании в действующем северокорейском уголовном законодательстве отсутствует, предполагая исправительный труд, по сути являющийся каторгой, назначаемой преступникам на срок от 6 месяцев до 15 лет, и именно данное наказание является преобладающим. В целом, по замечанию Т. Р. Сабитова, в основу северокорейской концепции уголовно-правовой политики положен принцип революционной целесообразности, в рамках которого государство, осуществляя борьбу с преступностью, сочетает юридические санкции с мерами общественного воспитания, отдавая приоритет последним [8, с. 81].

Выводы

Анализ действующего зарубежного уголовного законодательства свидетельствует о взаимосвязи таких аспектов наказания, как цели, содержание и сущность. Помимо этого, рассмотрение указанных аспектов наказания позволяет сделать выводы относительно уголовно-правовой полити-

ки китайского государства, которая направлена на непримиримую борьбу с преступностью достаточно жесткими методами, предполагающими не столько исправление преступников, сколько возмездие преступникам за совершенные преступные деяния.

В свою очередь, анализ действующего японского уголовного законодательства позволяет прийти к выводу о том, что японская концепция уголовно-правовой политики в определенной степени схожа с концепциями уголовной политики западных государств, поскольку основной целью наказания является не возмездие или устрашение, а исправление, реабилитация лиц, совершивших преступные деяния. Указанное обстоятельство при определенной схожести систем наказания в китайском и японском уголовном праве является наиболее значительным отличием между данными системами.

Анализируя же действующее северокорейское уголовное законодательство, можно заключить, что в части целей, содержания и сущности наказания оно существенно отличается от действующего китайского и японского уголовного законодательства, хотя внешне схоже с ним в части установления системы наказаний (прежде всего, с китайским). В то же время уголовно-правовая политика северокорейского государства проникнута принципом революционной целесообразности, обуславливающим достаточную жесткость и даже жестокость наказаний.

Заключение

Вполне очевидно, что формальное закрепление целей, содержания и сущности наказания в азиатских государствах далеко не всегда совпадает с реальной практикой, что вполне объяснимо существующими в указанных государствах (прежде всего китайском и северокорейском) политическими режимами. Соответственно, любые выводы, делаемые из действующего уголовного законодательства, с большой долей вероятности оказываются неверными из-за недостаточности данных относительно реальной практики применения наказаний.

Таким образом, подводя итог рассмотрению содержания, сущности и целей наказаний в уголовном праве ряда азиатских государств, прежде всего Китая, Японии и Северной Кореи, нельзя не согласиться с Т. Р. Сабитовым в том, что уголовно-правовые нормы указанных государств, несмотря на принадлежность их к разным правовым системам, строятся на одних и тех же правовых принципах, хотя и отличаются спецификой, во многом обусловленной принадлежностью к романо-германской, англо-саксонской и социалистической правовой семьям соответственно [4, с. 75]. Взаимозависимость целей, содержания и сущности наказания от нахождения государства в рамках конкретной правовой семьи здесь проявляется особенно ярко и четко.

Кроме того, активное изучение зарубежного опыта правового регулирования в различных сферах позволяет проводить работу по его применению и реализации в российской правовой системе с учетом исторических, правовых, национальных традиций [15, с. 106].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шумкова К. Н. Общая характеристика предупреждения преступности на примере России и Китая // Евразийский юридический журнал. 2018. № 9. С. 61.
2. Рыбаков В. М. Конфуцианское человеколюбие и уголовное право традиционного Китая // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 5 (95). С. 24–27.

3. Коробеев А. И., Чучаев А. И. Уголовный кодекс Китая: общая характеристика (к 20-летию со дня принятия) // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 151–199.
4. Сабитов Т. Р. Принципы уголовного права стран Дальнего Востока: сравнительно-правовой анализ на примере КНР, Японии и КНДР // Вестник Новосибирского государственного университета. Право. 2008. № 1. С. 75–82.
5. Уголовный кодекс КНР. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm>
6. Малиновский А. А. Сравнительное уголовное право : учебник. М. : Юрлитинформ, 2016. 592 с.
7. Дунмэй Пан. Изменение уголовного законодательства Китая: Общая характеристика // Lex Russica. 2016. № 8 (117). С. 81–88.
8. Калабеков И. Г. Россия, Китай и США в цифрах. Справочное издание. М., 2018. 122 с.
9. Трошинский П. В. Борьба с преступностью в Китае: нормативно-правовой аспект // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 48.
10. Хэ Б. Тенденции развития преступности в КНР // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 129.
11. Доклад Amnesty International 2016/2017. Права человека в мире. URL: <https://amnesty.org.ru/pdf/AIR201617RUS.pdf>
12. Белявская О. А. Уголовная политика в Японии. М., 1992. 57 с.
13. Уголовный кодекс Японии. С изменениями и дополнениями на 1 января 2002 г.: пер. с яп. / науч. ред. А. И. Коробеев; пер. В. Н. Еремин. СПб. : Юрид. Центр Пресс, 2002. 226 с.
14. Уголовный кодекс КНДР. URL: https://vk.com/topic-34486042_35696145
15. Шумкова К. Н. О некоторых вопросах уголовного наказания в Китае // Нормы международного права как источник российского законодательства: сборник статей Международной науч.-практич. конф. (15 апреля 2018 г, Новосибирск). Уфа : АЭТЕРНА, 2018. С. 106.

REFERENCES

1. Shumkova K. N. General characteristics of crime prevention on the example of Russia and China. *Eurasian legal journal*, 2018, no. 9, p. 61. (In Russ.).
2. Rybakov V. M. Confucian philanthropy and criminal law of traditional China. *Russian law: education, practice, science*, 2016, no. 5, pp. 24–27. (In Russ.).
3. Korobeev A. I., Chuchaev A. I. Criminal Code of China: general description (the 20th anniversary of adoption). *Actual problems of Russian law*, 2018, no. 2, pp. 151–199. (In Russ.).
4. Sabitov T. R. Principles of criminal law of the countries of the Far East: comparative legal analysis on the example of the PRC, Japan and the DPRK. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: law*, 2008, no. 1, pp. 75–82. (In Russ.).
5. *Criminal Code of the PRC*. (In Russ.). URL: <http://en.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm>
6. Malinovsky A. A. *Comparative criminal law*. Moscow, Publishing house Yurlitinform, 2016. 592 p. (In Russ.).
7. Dunmei Pan. Changes in Chinese criminal law: General characteristics. *Lex Russica*, 2016, no. 8, pp. 81–88. (In Russ.).
8. Kalabekov I. G. *Russia, China and the United States in numbers. Reference edition*. Moscow, 2018. 122 p. (In Russ.).
9. Troshchinsky P. V. The fight against crime in China: regulatory aspect. *Journal of Russian Law*, 2015, no. 8, p. 48. (In Russ.).
10. He B. Trends in the development of crime in the PRC. *Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law*, 2013, no. 1, p. 129. (In Russ.).
11. *Amnesty International 2016/2017 Report. Human rights in the world*. (In Russ.). URL: <https://amnesty.org.ru/pdf/AIR-201617RUS.pdf>
12. Belyavskaya O. A. *Criminal policy in Japan*. Moscow, 1992. 57 p. (In Russ.).
13. Korobeev A. I. (ed.). *Penal Code of Japan. As amended on January 1, 2002*. Translation from Japanese. Saint Petersburg, Legal Center Press, 2002. 226 p. (In Russ.).
14. *Criminal Code of the DPRK*. (In Russ.). URL: https://vk.com/topic-34486042_35696145
15. Shumkova K. N. On some issues of criminal punishment in China. *Norms of international law as a source of Russian legislation*. Collection of articles of the Int. sci. and pract. Conf. (April 15, 2018, Novosibirsk). Ufa, AETERNA, 2018 P. 106. (In Russ.).

Как цитировать статью: Шумкова К. Н. Содержание, сущность и цели наказания в уголовном праве ряда азиатских стран (на примере Китая, Японии, Кореи) // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 3 (48). С. 269–274. DOI: 10.25683/VOLBI.2019.48.310.

For citation: Shumkova K. N. Content, essence and purpose of punishment in criminal law of several asian countries (on the example of China, Japan, Korea). *Business. Education. Law*, 2019, no. 3, pp. 269–274. DOI: 10.25683/VOLBI.2019.48.310.